

Доклад 30. Современная экспликация «русской идеи»

Ирина Анатольевна Дмитриева

Кандидат философских наук, доцент Дипломатической академии МИД России, один из основателей философской группы «Анонсенс».

Концепт «русская идея»¹ знаком практически каждому, кто так или иначе проявляет интерес к русской философской мысли. Он был впервые сформулирован Ф. М. Достоевским, пережил всплеск интереса к нему на рубеже XIX–XX веков, благодаря обращению к нему В. С. Соловьева, а затем и его многочисленных последователей. Сегодня более чем сто лет спустя мы вновь обращаемся к этому концепту. Причиной такого обращения стала не только острая социально-политическая ситуация, которая требует от каждого из нас определиться со своей позицией, выбрать круг единомышленников. Вопрос о «русской идее» не потерял и своей теоретической значимости, поскольку понимание сути этого концепта позволяет выявить специфику русского взгляда на мир, русского отношения к миру, что имеет не только историческую значимость, но и сопровождает нас сегодня. Фактически концепт «русской идеи» в свернутом виде представляет собой реализацию отношения русских к миру, к человечеству.

Концепт «русской идеи» имеет множество интерпретаций как в истории русской мысли, так и среди современных исследователей. Моя же задача – показать, каким образом этот концепт выражает ключевые черты самобытной русской философской мысли, а развитие его продолжает русскую философскую традицию.

¹ Русская идея может пониматься широко и узко. Широко она понимается как идея, которая живет в русском народе с его зарождения и реализуется в его действиях. А узкая идея сформулирована Достоевским во второй половине XIX века, с его формулировкой русская идея обсуждалась и развивалась в русской философии. Чтобы отличить узко понятую русскую идею от широко понятой русской идеи, и используются кавычки.

Прежде всего я хочу сопоставить концепт «русская идея» с ключевыми чертами самобытной русской философии. Ф. М. Достоевский определил «русскую идею» как страдание и муку русского народа о всяком раздоре творца и твари, общества и природы, людей друг с другом. Это определение в свернутом виде содержит характерные особенности русской мысли, и мы попробуем их развернуть.

«Русская идея» – это, безусловно, теоретический конструкт, но конструкт не только и не столько рациональный, сколько бытийный, жизненно-практический. В нем присутствует онтологический посыл, который исходно имеет приоритет бытования над рационализацией этого бытования. А такая установка как раз и характерна для самобытной русской философии. Сам конструкт указывает на приоритет «живого знания», о котором говорил И. Киреевский, подчеркивая безусловное преимущество жизненного над умозрительным. Посыл «русской идеи», как и русской философии в целом связан не столько с поиском рационалистической правильности, вложенной в идею, сколько с определенной познавательной установкой, которая открывает человеку мир в особом ракурсе – как печаль за все человечество. Эта печаль находит место в русской душе, захватывая наше переживание за весь мир свободно, без всякого принуждения, как внутренняя потребность.

Эта печаль предполагает единство человечества, она показывает условность различения ближнего и дальнего, показывает, что можно видеть мир совершенно иначе. При этом переживание остается личностным, в нем нет безразличия, нет примитивного уравнивания всех. Подобное переживание предполагает одинаковую близость ко мне самых разных людей, мир непосредственно включается в орбиту моей жизни. Переживание за все человечество – это не какая-то абстрактная безликая целостность, которая сквозит в понятии «человечество», а целостность органическая, конкретное единство всегда особенных людей.

Печаль каждого о ближнем и дальнем – это такой ориентир всеобщей нравственности, который созвучен с русской установкой «жить по совести», то есть в соответствии с Благой Вестью. А нравственная позиция – это одна из значимых черт русской философии. Русская печаль о ближнем и дальнем предполагает и определенную социально-политическую установку, связанную с пониманием места России в мире. Русь и Россия уже вследствие своего срединного положения между Европой и Азией защищала в разные времена Запад от монголо-татарского нашествия, затем Восток от католицизации, защищала и спасала православный христианский мир. Эту же задачу Россия выполняет и сегодня. Осознание особого места России также вошло в содержание «русской

идеи» и, одновременно с этим, характеризует в целом русскую философскую мысль.

Но «русская идея» как способ жизни и отдельного русского человека, и России в целом хоть и была сформулирована в качестве концепта лишь в XIX веке, была присуща русскому человеку и нашей стране задолго до ее именованья и теоретической проработки. Жизнь «русской идеи» не начинается с момента ее формулировки, а лишь выходит с появлением ее формулировки на новый, рефлексивный этап.

А что же сегодня? Имеет ли «русская идея» лишь историческое значение или продолжает существовать, хотя, возможно, и не именуемая таким же образом, но сходная по существу? Можно предположить, что если «русская идея» неразрывно связана с чертами русской самобытной философии и является одной из форм проявления ее самобытности, то современное развитие русской философии не может быть непричастно к «русской идее».

Философы, культурологи и историки давно изучают то, как реализовывался концепт «русской идеи» в построениях различных русских философов, работавших в рамках самобытной философской традиции. Но в данном случае мне интересна современная ситуация.

В настоящее время одно из направлений самобытной русской философии разрабатывается группой «Анонсенс», и я постараюсь показать на примере ее работы возможность реализации «русской идеи» сегодня.

Одним из существенных моментов «русской идеи» является реакция на разделенность мира. Нет соединенности между творцом и тварью, между природой и обществом, между людьми. Особенность русского народа заключена не только в душевном неприятии любой разделенности, но и в готовности пострадать за это неприятие. И, возвращаясь к уже сказанному, это жизненное неприятие, неприятие разделенности по бытию, которое требует своего разрешения не только и не столько как теоретическая проблема. Реконструируя ход мысли анонсистов, необходимо отметить, что характер неприятия ими разделенности несколько иной, чем он был предложен Достоевским. Если Достоевский полагал, что плач и печаль за все человечество способны преодолеть эту разделенность, то анонсисты нашли иной способ – смех.

«Русская идея» и смех анонсистов сближены потому, что разделяемые смыслы разделяют людей, приводят людей к замкнутости на своей индивидуальности, к одиночеству и эгоизму. Против этого выступают обе эти идеи. Но делают это по-разному.

Смех так же разделяем и трепетом тел, и гармонией душ. В этом он вполне подобен плачу о всяком расколе. Плач у Достоевского лишь необходимое условие, чтобы можно было преодолеть любую разделенность. А смех у анонсистов – это уже само такое преодоление. Анонсисты не столько уповают на преодоление разделенности, сколько преодолевают его.

Смех, выходя за пределы одного индивидуального организма и за пределы радости одинокой души, устремлен ко всем, он сообщается душам и захватывает тела, настолько, насколько он может это сделать. Разделяемый смех не дает разделиться смеющимся так, как это делает плач, который запирает человека в его страданиях. Разделяемый смех только и собирает «мы». Разделение может разделить, как это происходит со смыслом, и разделение может, наоборот, собирать. Смыслы только и делают, что не дают ничему собраться, их динамика регрессии и расхождение бесконечны. Как раз это свойство смыслов и отмечает Ж. Делез в своей «Логике смысла».

Чтобы понять, как развивается анонсистами «русская идея», с ее неприятием всякой разделенности, можно указать на их концепцию нулевых различий. Допустим, что мы преодолеваем какое-то различие и получаем в итоге некое единство. Пока не важно, будет ли это единство всего человечества, нравственности или мистическое единство Церкви. «Русская идея» оказывается тут императивом, требующим единства.

Ранее «русская идея» была истолкована через чрезмерную чувствительность единства ближнего и дальнего, причем единство не умозрительное, а реальный опыт проживания и переживания этого единства, когда сердце реально болит за дальнего, как и за ближнего. Эта печаль не предполагает отстраненности, разделения на свое и чужое.

Анонсенс создает определенный опыт, а не умозрительную конструкцию, который позволяет удерживать это единство как единство переживания. Таким опытом стал смех. Можно возразить, что смех и печаль две вещи несовместные, но... Что такое печаль о ближнем и дальнем – это опыт открытия души, которая приемлет в себя и болеет за каждую тварь.

Анонсенс не плачет, но смеется. А смех – это и есть состояние открытости миру, которая позволяет забыть на какой-то момент о границах и преградах. Смех – это то, что может быть реализовано поверх и вне этих границ и преград.

Смех – это открытость души, которая в конечном счете реализуется и в русской идее. Эти открытость и проживание вместе отличают как самобытную русскую философию, так и «русскую идею» как концепт к ней относящийся.

Неприятие любой разделенности присутствует и в анонсической философии бессмыслицы. Бессмыслица позволяет сделать границы несущественными. Ведь только смыслы способны проводить жесткие границы и разводить людей по разные стороны баррикад.

Сходный методологический ход реализован в «русской идее», когда печаль о ближнем и дальнем живет в человеке поверх смысловых различий, поверх отношения свой – чужой и правый – виноватый. Жесткие границы, которыми чреватые смысловые различия, если бы были присущи «русской идее», не позволили бы ей реализоваться.

Подводя итоги, хочу еще раз подчеркнуть, что отличительная черта русской самобытной философии, аккумулированная в концепте «русская идея», выражена в онтологическом послыле, направленном на поиск способов осуществления и сохранения единства, преодоления всяческой разделенности. И этот послыль по-прежнему обладает не только теоретической актуальностью, но и находит новые способы осуществления.

Доклад 31. Смысл русской идеи

Вячеслав Евгеньевич Дмитриев

Кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. Ломоносова. Один из основателей философского кружка «Анонсенс», действующего с 1990 года. Философ-археивангардист».

1

«Русская идея»¹ как-то связана с русскими чувствительностью. И я как русский, опираясь на эту самую связь, кое-что скажу о «русской идее», но скажу, задействовав при этом предельные вопросы о смысле.

В начале своего сообщения я отмечу два предварительных момента относительно дальнейшего понимания «русской идеи», на которые я буду в дальнейшем опираться. Каждый такой момент характеризует «русскую идею» в самом общем виде.

2

Первый характеризующий ее момент – это идиоматичность этой идеи.

Истоки «русской идеи» затерялись в истории. Христианская это идея или даже языческая, нам теперь вряд ли удастся точно узнать. Границы идеи неизвестны.

Имя этой идее дал Ф. М. Достоевский, назвав ее русской. Он же первым придал ей предельную философскую форму. После концептуализации «русской идеи» Достоевским последовали и другие ее концептуализации в русской философии.

«Русская идея» уже получила множество прочтений, которые между собой все более и более расходились. Так, например, ее прочтение

¹ Русская идея может пониматься широко и узко. Широко она понимается как идея, которая живет в русском народе с его зарождения и реализуется в его действиях. А узкая идея сформулирована Достоевским во второй половине XIX века, с его формулировкой русская идея обсуждалась и развивалась в русской философии. Чтобы отличить узко понятую русскую идею от широко понятой русской идеи, и используются кавычки.